

УДК 821.161.1.09 "19"

Н. А. ЛобковаКостромской государственной университет
lobkova.nina.a@yandex.ru

**П. В. АННЕНКОВ О ТУРГЕНЕВСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ
В «ВЕСТНИКЕ ЕВРОПЫ»
(ПО ПИСЬМАМ К И. С. ТУРГЕНЕВУ
И К М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ 1860-Х – 1880-Х ГОДОВ)**

В статье рассмотрены мнения П. В. Анненкова о тургеневских произведениях, опубликованных в «Вестнике Европы», по его письмам к Тургеневу и к Стасюлевичу; различие в характере суждений позволяет уточнить особенности эстетической критики Анненкова в эпистолярном жанре.

Ключевые слова: Анненков, Тургенев, Стасюлевич, «Вестник Европы».

N. A. LobkovaKostroma State University
lobkova.nina.a@yandex.ru

**PAVEL ANNENKOV ON IVAN TURGENEV'S PUBLICATIONS
IN "VESTNIK EVROPY" (HERALD OF EUROPE)
(BASING ON THE LETTERS TO IVAN TURGENEV
AND MIKHAIL STASYULEVICH IN THE 1860S THROUGH THE 1880S)**

The article describes the opinions of Pavel Annenkov about Ivan Turgenev's publications in the magazine "Vestnik Evropy" (Herald of Europe) according to the letters to Ivan Turgenev and to M. M. Stasyulevich; the difference defines more precisely Pavel Annenkov's special method of analysis.

Keywords: Pavel Annenkov, Ivan Turgenev, Mikhail Stasyulevich, "Vestnik Evropy" (Herald of Europe).

П. В. Анненков писал М. М. Стасюлевичу в феврале 1880 г. о Тургеневе: «Любил я его всегда, а после нынешнего его посещения Бадена, просто как любая слушательница высших курсов Бестужева-Рюмина – обожаю его. Качества его сердца не ниже его ума и таланта, только последние он, может быть, слишком много выставляет на вид, а первые слишком много скрывает. Когда в прошлый четверг я провожал его в 11 часов ночи на станцию железной дороги, для отправления в Россию, у меня сжалось сердце, видя, как поезд уходит во мрак...» (3, 378–379).

Два тома писем Анненкова к Тургеневу, с подробными комментариями и статьями о дружбе писателей, дают полную картину их отношений. Объясняя мотивы сближения двух европейски образованных литераторов, Н. Н. Мостовская отмечала: оба «больше всего дорожили свободой, не примыкая ни к каким “партиям” и не разделяя никаких догм. <...> Главным для друзей была любовь к искусству, и потому Анненков был так внимателен к творчеству Тургенева, окрашенному пушкинской гармонией, чувством современности, а главное – художественностью» (1, кн. 1, 290).

С первых книжек «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич – как редактор и издатель журнала – оказался в доверительных отношениях и с Тургеневым и с Анненковым. Тургенев стал постоянным автором «Вестника Европы»: рассказ «Бригадир» открыл январский выпуск обновленного ежемесячного журнала в 1868 г.; из последних прижизненных публикаций писателя прощальным подарком России Анненков (в письме к Стасюлевичу) назвал тургеневский цикл «Стихотворений в прозе» (ВЕ, 1882, № 12), – «эту ткань из солнца, радуги, алмазов, женских слез и благородной мужской мысли» (3, 406). Тургенев «доживает век свой, наполняя атмосферу русской литературы благоуханиями своего таланта» (там же).

Отзывы Анненкова в письмах к Тургеневу о его произведениях в «Вестнике Европы» – это, фактически, рецензии, одобрительные, дружеские, свободно высказанные, с подробным

анализом художественных красот сочинения; они известны и прокомментированы. Даже при восторженной оценке, отзыв порой содержал серьезные замечания, откровенные, без обид, как было принято между ними. Тургенев дорожил мнением своего друга, почти все его произведения – за редким исключением – попадали на страницы журнала Стасюлевича после одобрения Анненковым. Рассмотрим несколько откликов, показательных для критической манеры Анненкова в эпистолярном жанре.

О повести «Вешние воды» (ВЕ, 1872, № 1) потрясенный Анненков написал сразу, «после последнего листа корректуры»: «Вышла вещь блестящая по колориту, по энергии кисти, по завлекательной пригонке всех подробностей к сюжету и по выражению лиц, хотя все основные мотивы ее не очень новы, а мысль-матерь уже встречалась и прежде в Ваших же романах. <...> Вы ещё не покидаете зенита творчества и кажется ещё не скоро покинете его, но переминовение с ноги на ногу уже свидетельствует, что начинают одолевать мозоли – и о них уже более думается, чем о путях и открытиях». Этот полушутливый упрек подготовил серьезную претензию Анненкова: он, несмотря на эстетическое потрясение, голову свою, по его выражению, «успел кой-как сохранить», хотя и не без труда. «Я, например, могу понять, что Санин под кнутом Полозовой мог проделывать отвратительнейшие скачки, но не могу понять, как он сделался *лакеем* ее, после пережитого процесса чистейшей любви. Это выходит страшно эффектно в повести – правда – но и страшно позорно для русской природы человека. <...> Уж лучше бы Вы прогнали Санина из Висбадена домой, от обеих любовниц, с ужасом от самого себя, страдающего, гадкого...» (1, кн. 1, 190–191). Заканчивает Анненков в своей обычной манере, смягчив только что прозвучавшие суждения: «Но что Вам за дело до этих тонкостей, когда Вас ожидает громадный успех, и когда я сам, под действием изумительного рассказа, едва мог отыскать причину того осадка на душе, который он оставлял после себя...». Успех повести был столь велик, что первую книжку журнала 1872 г. пришлось печатать дополнительным тиражом, – за это известие Тургенев в феврале 1872 г. благодарил Стасюлевича (4, Письма, т. IX, 227).

Не принял Анненков *почтенного республиканца* в рассказе «Пунин и Бабурин», опубликованном в апрельском номере «Вестника Европы» 1874 г., – «...первое мое произведение, не прошедшее под орлиными глазами Вашей критики», как писал Тургенев «с горестью на сердце» своему другу 6/18 марта 1874 г. (4, Письма, т. X, 207). И Анненков сетовал, что повесть – увы – проскочила у него «под носом, не дав себя и понюхать» (1, кн. 1, 234). Не оправдалась слабая надежда Тургенева на публикацию повести в майской книжке «Вестника Европы» – тогда он успел бы отправить копию рукописи Анненкову. Но Стасюлевич учел календарь, его журнал всегда выходил строго к первому числу месяца, 31 марта была Пасха, и редактор предпринял чрезвычайные меры, задержав набор всего номера, чтобы апрельская книжка с долгожданной тургеневской повестью была разослана подписчикам как «красное яичко» к празднику (цит. по: 4, Соч., т. XI, 491). Получив подтверждение апрельской публикации, Тургенев писал Анненкову: «Трепещу я немножко за мою повестушку, но Вы смотрите, всю правду – нагишом!» (4, Письма, т. X, 222). Анненков высказался откровенно и подробно. В письме к Тургеневу от 7/19 апреля он размышлял: «Я долго не мог отдать себе отчета – почему повесть, несмотря на чудный рассказ, на дорогого моему сердцу Пунина, на множество превосходных сцен, оставила меня недовольным и холодным». Анненков перечитал повесть ещё раз и пришел к заключению, что «виною этому почтенный республиканец и колорит и запах, им сообщенные произведению». «Как восхитителен Пунин, так наоборот, его спаситель и покровитель выглядит абстрактно-тупо». Анненков увидел в нем тип «*почтенных* людей, над которыми ни посмеяться, ни всплакнуть нельзя, а которых следует единственно уважать». Он ставит этого тургеневского героя в ряд «благородных юношей Михайлова, Омуревского и других». «Напрасно вводите Вы для *почтенных* и политический элемент –

не вырастают от того люди эти». Анненков почувствовал *приближение* образа героя в тургеневской картине мира к положительным персонажам в демократической прозе, *снижение* авторских критериев своеобразности характера. «Друг Иван Сергеевич! Я человек малый, но настаиваю на устранении *почтенных* типов из Вашего поэтического скарба. Другое дело – святые, демонические или забрызганные улицей и жизнью типы – тут Вы без соперников и способны волновать не только Россию, но и Европу». Разочаровала Анненкова и героиня повести: «Муза Ваша начиналась тоже крайне замечательно с ее игриво-злой и вместе застенчивой молодостью. Думал, что выйдет тип ослепительный, а опять вышел досадно-почтенный тип» (1, кн. 1, 237). Тургенев согласился с замечаниями Анненкова: «Вы, по обыкновению, правы, стократ правы», – хотя тут же заметил, что тип либерала-республиканца у нас часто принимает «именно эту форму», но он «не вполне свободно отнесся к нему – выказал излишнее уважение», словно побоялся Буренина, который тут же и похвалил повесть в «Санкт-Петербургских ведомостях», что покорило писателя. Муза, по его словам, сделалась смиренной женой после строптивой молодости «не из благодарности – а просто ... куда же ей деться? ... Это не поэтично – но правдиво». «... вся повесть всё-таки остается с вывихом», – закончил письмо Тургенев (4, Письма, т. X, 230). Чуткий Анненков понял, что его разбор огорчил друга. В следующем письме он пытался убедить Тургенева, что детище его нравится публике мастерством изложения, занимательностью сюжета. И даже бросил фразу, подтвердив свою манеру, – словно отменив собственные замечания: «Вообще – нас собственно никогда не должно понимать серьезно ни в суждениях о себе, ни о других, ибо мы *пресыщенные*, а для пресыщенных никто не обязан потеть и трудиться». Эту *пресыщенность*, то есть избалованность высокой литературой, завышенные требования к ней, Анненков в этом же письме подтвердил отзывом о только что вышедшем альманахе «Складчина» из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. Единственное «перло» сборника, по мнению Анненкова, – «Живые мощи» Тургенева; всё остальное – балласт «из чистокровнейшего русского бульжника <...>, особенно в стихотворениях, которые увесистее ещё прозы» (1, кн. 1, 238).

Отклики Анненкова на тургеневские произведения в письмах к Стасюлевичу другого характера. Они короче, в них нет анализа, дана четкая оценка, как, например, в реплике Анненкова о рассказе «Стук... стук... стук» в письме к Стасюлевичу от 1 мая 1871 г. по поводу его вопроса о разрешении перевода рассказа «на французский диалект»: «... я думаю и не списываясь с Тургеневым то же, что и Вы, – пускай переводят, тем более, что слабые вещи Тургенева на вкус русской публики оказываются хорошими на вкус французской...» (3, 298).

Анненков ценил художественное чутье, редакторский и издательский опыт Стасюлевича, но, учитывая его подход к литературе, понимал, что главное для него – чувство современности, актуальность сочинения. Показательны, например, суждения Анненкова о романе «Новь» – в письмах к Стасюлевичу и к Тургеневу.

Первые известия о романе Анненков получил от Стасюлевича, которому Тургенев прочитал в Буживале несколько глав в сентябре 1876 г. Впечатления редактора «Вестника Европы» – настоящий дифирамб в честь книги и автора – Анненков передал в письме Тургеневу от 6/18 сентября 1876 г.: «Царь Давид не плясал так яростно от радости перед ковчегом, как Стасюлевич перед Вашей “Новью”. Он говорит, что Вы оставили за собой и в тени этим произведением всё, что до сих пор написали». Ироническая тональность первых строк (отголоски ее слышны и далее) не помешала звучанию серьезной темы письма. «Преувеличение некоторого рода» в отзыве Стасюлевича было воспринято Анненковым как свидетельство его глубокого потрясения: «... я ему верю <...>. Так возбудить голову и сердце нельзя никаким обманом, никакой фальшью; тут есть восторг, чувство, убеждение, поданные, так сказать, прямо со сковороды потрясенного воображения и ещё дымящиеся и шипящие» (1, кн. 2,

37–38). Отвечая Стасюлевичу – до знакомства с текстом «Нови», только на основании его письма, – Анненков оценил значение романа в творческой судьбе писателя и в истории русской литературы: «Какой триумф Тургенев уготовил себе над сплетнями, пересудами своих врагов и недоброжелателей <...>, это ответ на все подозрения в том, что он исписался, <...> и пристыжение тех, которые утверждали, что он позабыл Россию, разорвал с нею все связи, не понимает в ней более ни йоты и пишет ещё только для того, чтоб самому же и переводить себя по-французски» (3, 331–332). После чтения рукописи Анненков предсказал в письме к Стасюлевичу от 29 ноября 1876 г. несомненный будущий успех романа: «“Нови” суждено возратить те времена, когда роман составлял событие, заставляя всех говорить только о себе» (3, 334–335).

Характерно упоминание о редакторе «Вестника Европы» в письме Анненкова к Тургеневу при оценке *памфлетной* стороны «Нови»: «...памфлетные выходки все у Вас справедливы (они должны были особенно понравиться Стасюлевичу), но Вы знаете, что *истина памфлетная* – не есть художественная или беллетристическая истина» (1, кн. 2, 41). В отличие от Стасюлевича Анненков не одобрил «памфлетной заправки замечательного романа», осудив ее как уступку «партийным» спорам. По его мнению, сатирические детали «брошены, как будто для задобрения либеральной или революционной юной партии, без нужды для романа <...> и стоят наголо, как личное ощущение или гневный порыв»; они становятся «эхом партии, камнем, поднятым на улице и брошенным в середину искуснейшей сети рассказа» (там же, 42). Конечно, Анненков понимал, что «памфлетический элемент» в повествовании подчеркивает гражданскую позицию автора. Следуя своей обычной манере, в одном из писем к Тургеневу Анненков шуткой смягчает резкость своих оценок памфлетных приемов, ссылаясь на *старость желудка*, которому уже недоступны разные пикантности, «но это не резон, чтобы других лишать приправы, особенно у нас, где многие только ею и питаются» (1, кн. 2, 47). И всё-таки – не лучше ли, с его точки зрения, «избегать бесполезных скандалов при серьезном деле»? (там же, 45). Главная мысль романа прочитывается и без памфлетных намёков, «основная идея его ясна – всё это дикое, неумелое почти позорное брожение есть результат невозможности существовать с абсолютизмом» (там же, 43).

В письмах к Тургеневу Анненков отстаивает эстетические достоинства «Нови», которые, по его словам, заметят очень немногие как «самостоятельную и важнейшую подробность произведения» (1, кн. 2, 48). Особенно интересны наблюдения Анненкова о характерах персонажей, о психологизме романа, о трагическом пафосе отдельных сцен (1, кн. 2, 40–55). Самое серьезное замечание вызвал финальный эпизод «Нови»: «в уста паршивого Паклина», по мнению Анненкова, вложена речь о России, явно принадлежащая автору, – речь, оскорбительная для общества, унижающая «его по-вельможески перед Европой». «Это ли последнее слово романа?» (1, кн. 2, 43). Анненков настаивал на необходимости найти другое заключение: «Я не буду спокоен, пока Вы не перемените этого места». Конец романа был изменен Тургеневым (см.: 2, 534–535; подробнее о правке текста см.: 4, Соч., т. XII, 501–510).

После опубликования «Нови» (ВЕ, 1877, № 1–2) Анненков в письме к Стасюлевичу от 19/7 марта 1877 г. объяснил, за что рассердилась на писателя «псевдо-радикальная партия»: она исходит из фантастических представлений об истинных героях; ей надобны «сверхъестественные люди, чистые от подозрения принадлежать к породе человеческой» (3, 340–341). Анненков убежден: роман «Новь» – «поэтическая и драматическая защита» нового поколения, «с мужественной откровенностью, не утаивающей никаких темных или сомнительных сторон дела», – пишет он редактору. – «Это и есть художнический способ заявлять своё уважение к поколению...» (3, 336).

Чувство современности, злободневное звучание «Нови» – предмет писем Анненкова к Стасюлевичу. В письмах к Тургеневу Анненков рассматривает художественное решение

социальных, политических, исторических вопросов в романе. В словах, которыми заканчивается «Новь», Анненков услышал высокую новую тему – на все времена; его размышления звучат как предвиденье грядущей судьбы российской интеллигенции: «Безымянная Русь! Да, это та, которая уже стоит на кафедрах, пишет в журналах, мечется из стороны в сторону под предостережениями, увольнениями, притеснениями. Об ней-то и надо бы упомянуть, она-то и упразднит безобразников, в ней-то и будущность» (1, кн. 2, 44).

Литература

1. Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1–2, СПб, 2005.
2. Лебедев Ю. В. Жизнь Тургенева. М., 2006.
3. Стасюлевич М. М. и его современники в их переписке / под ред. М. К. Лемке: в 5 т. Т. 3. СПб., 1912.
4. Тургенев И. С. Полное собр. соч. и писем: в 28 т. Сочинения: в 15 т. Письма: в 13 т. М.-Л.: Наука, 1960–1968.

УДК 821.09"1640/1918"

О. В. Белопухова

*Костромской государственной университет
klepa3367@mail.ru*

РАБОТЫ ШВЕЙЦАРСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДА П. БРАНГА ОБ И. С. ТУРГЕНЕВЕ

В статье анализируются работы швейцарского литературоведа Петера Бранга, посвящённые творчеству И. С. Тургенева.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, П. Бранг, традиция, жанровые особенности.

O. V. Belopukhova

*Kostroma State University
klepa3367@mail.ru*

THE STUDIES OF SWISS SCIENTIST PETER BRANG ABOUT IVAN TURGENEV

*The article analyses the studies of Swiss scientist Peter Brang, in which he deals with creative work of Ivan Turgenev.
Keywords: Ivan Turgenev, Peter Brang, tradition, genre specifics.*

Первая работа П. Бранга об И. С. Тургеневе «И. С. Тургенев и Германия. Материалы и исследования» («I.S. Turgenev und Deutschland. Materialien und Untersuchungen» (1965)) была чрезвычайно важна в немецком тургеневедении. В монографии довольно подробно исследована область собственно литературных связей и личных контактов Тургенева с его немецкими собратьями по перу, а также роль немецкой классики в формировании его художественного метода. Швейцарский литературовед отмечает в своей работе, что немецкие персонажи появляются уже в ранних пьесах (Шааф в «Месяце в деревне») и повестях Тургенева (семейство Винтеркеллер в «Якове Пасынкове»). Фигура немца, подчёркивает Бранг, претерпевает серьёзную эволюцию в творчестве писателя, породив реалистические варианты, вроде Зои Мюллер в «Накануне», аристократа-дельца Рейзенбаха в «Дыме» или обрусевшего Купфера в «Кларе Милич». Связи с немецкой литературой особенно заметны в повести Тургенева «Ася», считает автор, так что и главная героиня способна обрести в глазах исследователя немецкий литературный прообраз, который, однако, сам Тургенев вряд ли сознательно принимал во внимание (2).

Интерес представляет и работа П. Бранга «Образ Миньоны у Тургенева» (7), где швейцарский тургеневед вслед за Л. Лотман развивает мысль о том, что образ Аси из одноимённой повести имеет некое сходство с Миньонной, героиней романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1793–1796). Некоторые внешние черты и черты характера героини Гете, такие